

НАРОДНОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО В ЗОНАХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

В. П. Орфинский

В прошлом году группа исследователей Петрозаводского университета приняла участие в совместной норвежско-русско-финской экспедиции по Восточному Финмарку (Северная Норвегия), где исторически сложилась благоприятная ситуация для разноэтничных культурных контактов (норвежских, саамских, финских, русско-поморских). Из материалов экспедиции наибольший интерес представляют данные зондажных обследований домов-комплексов так называемого «варангерского» типа, объединяющих жилые и животноводческие помещения под одной крышей, — норвежских аналогов северороссийского дома-двора. Последнее обстоятельство наряду с локализацией ареала таких домов на побережье Варангерфьорда, где издавна осуществлялись контакты норвежцев с русскими поморами, послужило основанием для гипотезы норвежского ученого Ховарда Братрейна о формировании домов варангерского типа под влиянием соответствующих русских построек /25, с. 311 — 329/. Казалось бы для такого предположения достаточно оснований: русско-норвежские связи, наметившиеся в XVIII в., порой осуществлялись весьма интенсивно. Например, в 1774 г. число русских рыбаков, побывавших у берегов Северной Норвегии, достигало 1300 человек, тогда как все норвежское население Финмарка в этот период составляло приблизительно 300 семей /20, с. 16 со ссылкой на 27, с. 497/. Причем русские нередко привозили с собой бревна и строили на норвежском побережье промысловые избы и амбары /20, с. 18/. Скорее всего примитивные рыбацкие постройки не могли стать прототипами для варангерских домов-комплексов, тем более, что с 1720-х по 1760-е гг. русские промыслы в северо-норвежских водах были ограничены, а в 1830 году вообще запрещены кроме шести становищ в Восточном Финмарке, да и то без права возводить на берегу какие-либо сооружения. При этом ранее построенные русскими избы и амбары были снесены /24, с. 42/. Возможно, конечно, что варангерский тип домов генетически связан непосредственно с постройками в русских поморских селах, с которыми норвежцы могли познакомиться при ответных визитах. Но и это

маловероятно из-за существенных различий северорусских и норвежских жилищно-животноводческих комплексов: если первый из них это дом-двор, то второй — дом-хлев со связью жилища со стойловым помещением непосредственно через кухню или через разделяющие их дополнительные (черные) сени. Кроме того, судя по экспонатам археологического музея в Мортеннесе, в Северной Норвегии еще в доисторический период существовали совмещенные гаммы (дерновые домики), в разных концах которых жили люди и скот. Поэтому естественно предположить генетическую связь между дерновыми домиками и домами-комплексами варангерского типа. Правда, последние зафиксированы только в Восточном Финмарке, в то время как гаммы широко бытовали во всей Северной Норвегии. Но это обстоятельство позволяет говорить скорее не о заимствовании норвежцами сложившихся в русской архитектуре форм, а о русских влияниях как импульсе для переосмысления собственного опыта — сохранения традиционных построек в Финмарке с изменением их объемно-пространственного и конструктивного решения в связи с применением взамен каркасной срубной техники строительства, в прошлом нетипичной для Северной Норвегии.

Таким образом, норвежские наблюдения лишней раз подтверждают, что влияния (взаимовлияния) контактирующих народов можно подразделить на опосредованные (ассоциативные), раскрывающие путем сопоставления с чужой культурой те или иные достижения культуры собственной, и влияния непосредственные, вызывающие заимствование конкретных приемов, форм и деталей. Те и другие могут возникать параллельно и зависеть не только от соотношения уровней взаимодействующих культур, но и от «тенденциозности» межэтнических контактов — наличия интереса (взаимоинтереса) контактирующих народов, друг к другу. Что же касается варангерских домов, то вопреки априорным ожиданиям, приходится констатировать, что в целом, несмотря на внешнее сходство с северорусским домом-комплексом, их генетические корни, по-видимому, различны. Видимо, иначе не могло быть: культура — исторический продукт много-

плановой деятельности народа — не может целиком заимствоваться извне. То же относится к такому ключевому ее элементу как народное жилище.

Разумеется, сказанное не исключает возможности возникновения у взаимодействующих народов широких и глубоких культурных аналогий, охватывающих многие стороны жизни. Но, судя по материалам Российского Севера, не только разрозненные торгово-производственные контакты, но и массовые кратковременные «иноэтнические десанты» (например, периодические ярмарки) в рамках традиционной крестьянской культуры обычно приводили к поверхностным архитектурным заимствованиям, а не к коренному изменению принципов формообразования /12, с. 298-300/. (Именно такие заимствования прослеживаются в детализировке домов варангерского типа).

Аналогичное явление происходило задолго до упомянутых норвежско-русских контактов, когда финноязычные племена Приладожья, живущие на территории современной северо-западной России, имели торговые связи и вступали в военные конфликты с варягами. Не случайно по наблюдениям археолога С.И. Кочуркиной скандинавские захоронения составляют 4.4% от общего количества этнически определенных приладожских курганов /7, с. 60 и табл. VII/. Но указанные контакты существенно не повлияли на этнокультурный облик местного населения /16, с. 96/. Более действенными оказались связи приладожан, основанные на этническом родстве с народами, близкими по языку (с западными и восточными финно-уграми) и на общности политических и религиозных интересов (связи с Русью). Причем их значимость закономерно менялась во времени от относительного преобладания первой группы связей к господству второй /16, с. 115/.

На основании поздних историко-архитектурных материалов можно утверждать, что финские влияния в южной и средней Карелии отчетливо ощущаются лишь на относительно неширокой полосе, проходящей вдоль западной границы карельского ареала, а в архитектуре проявились на двух уровнях: глубинном, уходящем корнями в предысторию народов, и поверхностном, связанным с культурными явлениями нового и новейшего времени.

На глубинном уровне финские влияния, точнее, карельско-финские взаимовлияния возникли в результате взаимодействия родственных финно-угорских народов в процессе естественного общения друг с другом, облегчаемого близостью языков. Результаты таких взаимовлияний проявляются в объемно-планировочных структурах поселений, степень регулярности которых закономерно уменьшается в направлении с востока на запад, и в структуре жилища, изменяющейся в диапазоне от дома-комплекса на востоке до дифференцированных жилых и хозяйственных построек на западе через ряд промежуточных форм.

На поверхностном уровне финские влияния в архитектуре проявлялись в пределах пограничной полосы и сводились преимущественно к заимствованию отдельных элементов и второстепенных деталей позднего происхождения (например, вертикальной обшивки и в некоторой модернизации орнаментальных мотивов). Что же касается поздних карельских влияний на финнов, то они еще менее заметны в силу упомянутой «тенденциозности контактов»: в XIX — в начале XX в., когда граница между Россией и Великим княжеством Финляндским была открыта, приграничная Карелия экономически ориентировалась на Петербург и Петрозаводск при явной слабости ее культурных и экономических связей с Финляндией /27, с. 84-114/. После получения последней независимости финляндские карелы пережили культурную ассимиляцию 1920-1930 гг. и хотя долго сохраняли верность старинным обычаям и справляли церковно-славянские обряды, но уже не могли служить проводниками русско-карельских влияний /15, с. 7/.

Иное положение сложилось в северо-западной

Карелии, которая в конце XIX — в начале XX века подпала под сильное финское влияние, чему способствовала интенсивная торговля между жителями пограничных селений и волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Архангельской Карелии) и Финляндии. * Помимо бытовых заимствований /22, с. 106/ у ухтинских и кестеньгских карел под финским влиянием очень рано «осовременился» интерьер жилища — исчезли неподвижные лавки и появилась городская мебель /4, с. 54/, а на рубеже XIX-XX вв. возникла мода на наружную отеску бревенчатых стен, даже рубленых «обло» срубов, как вновь возводимых, так и уже существующих. При этом внутренние поверхности стен часто оставались неотесанными, а порой отесывались только наиболее престижные фасады, обращенные к общественному пространству поселения — еще одно подтверждение «тенденциозности контактов».

Впрочем, все сказанное относится к наиболее простым и очевидным внешним культурным связям, определяющим взаимодействие народов, имеющих самостоятельные ареалы с небольшим объемом этнического взаимопроникновения. Подробнее такие связи рассматривались на предыдущей международной конференции по истории архитектуры в Суздале /13, с. 170/.

Значительно менее очевидны внутренние связи, возникшие в процессе совместного проживания различных этнических групп населения в пределах общего ареала. И хотя в большинстве случаев при достаточной многочисленности преобладающей этнической группы с относительно высоким социально-экономическим уровнем, ассимиляция ею другой группы (или групп) населения является закономерным итогом совместного исторического развития, но известны многочисленные примеры и длительного сохранения национальных диаспор, и «чересполосного» проживания разноэтничного населения, сохраняющего и в условиях относительной разобщенности свою этнокультурную специфику. Последний случай можно проиллюстрировать на примере псовов, проживающих среди русского населения Посвирья, которые сохраняли до последнего времени не только язык, но и свои объемно-пространственные представления, материализованные в планировке и застройке поселений /11, с. 59/.

Наконец, нельзя забывать, что, по справедливому утверждению этнографа Ю. В. Бромля, даже ассимилированные народы не исчезают бесследно, а передают народам, пришедшим им на смену, свое биогенетическое и историко-культурное наследие /2, с. 278/. Естественно, что такое наследие не отождествимо с простой суммой культурных заимствований и способно порождать в «черном ящике» этнокультурного процесса качественно новые явления. Информацией для размышления по этому поводу может служить Кижский погост — один из самых популярных памятников архитектуры, включенный в список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. Главный храм погоста — церковь Преображения — вершина русского народного зодчества, зримо воплотившая, по словам И. Э. Грабаря, все мыслимые архитектурные добродетели: и размах фантазии, и богатство форм, и чувство пропорций, и понимание силуэта, и декоративный инстинкт /5/.

В 1942 году П. Н. Максимов объяснил уникальность облика церкви Преображения в Кижях и ее непосредственной предшественницы — Покровской церкви Вытегорского погоста синтезированием в них конструктивных и художественных достижений предшествующих типов культовых построек, прошедших в

* О крупномасштабности карельско-финской торговли свидетельствуют следующие цифры: в 1907 году розничной торговлей с Финляндией в Карельских волостях Кемского уезда занималось 1542 человека, сумма заработка которых составляла 181956 руб. или 72,72% от суммы заработков по всем отхожим промыслам /1, с. 34-35/.

XVII веке «обкатку» в творческой лаборатории народного зодчества /6, с. 45/. За минувшие полвека оценка архитектурной значимости храмов не изменилась. Неразгаданной осталась и загадка возникновения шедевров не в центре, а на периферии северорусского этнического ареала.

Резонно возникает вопрос: нет ли каких либо общих причин, объясняющих появление с интервалом всего в шесть лет удивительных храмов именно в Заонежье и Южном Обонежье? Может быть все дело в этническом составе населения? По данным последней трети XIX в., непосредственно Кижский и Вытегорский погосты были заселены русскими, но на соседнем с Кижскими Клименецком острове в Сенной Губе жила «обрусевшая чудь», а вблизи Вытегорского погоста в Бадюгской, Чернослободской и Ухтинской волостях Вытегорского уезда — «чудь» и «чудь обрусевшая» /21, с. 138, 60/. Возможно, стремлением удержать в лоне православной церкви нетвердых в вере инородцев и побудило церковные власти придать вновь возводимым храмам наиболее выразительные архитектурные формы, способные эмоционально воздействовать на прихожан? Подобное в истории случалось не раз. Один из наиболее свежих примеров тому — строительство в 1902 г. в Нейдене (Восточный Финмарк) храма в национально-романтическом стиле с целью противодействия распространению среди местных саамов православия, оплотом которого являлась ранее срубленная там клетская часовня Георгия Победоносца. Впрочем, одного желания заказчика вряд ли было достаточно, чтобы на окраине Российского государства могли возникнуть храмы, беспрецедентные в истории мировой архитектуры. Скорее всего были и другие, более действенные стимуляторы творческой активности местных плотников-зодчих. Чтобы определить их, рассмотрим подробнее, что представляла собой родина Преображенской церкви — Заонежье, древнейший очаг новгородской культуры в Карелии, расположенный на пересечении путей из Новгорода к Студеному (Белому) морю. Здесь, на территории небольшого полуострова сосредоточено более сотни произведений деревянного зодчества — великолепное собрание памятников старины. Но Заонежье — не просто конгломерат архитектурных шедевров, а их целостная система. Ядро этой системы — Кижские шхеры, где издревле проходил судовой ход по Онежскому озеру со зрительно связанными между собой акцентами-ориентирами, которые являлись одновременно и створными знаками для судоводителей, и элементами, позволяющими людям эстетически осмысливать осваиваемое ими пространство, выявив его иерархическую целостность и неповторимое своеобразие частей. Высотные акценты-ориентиры, концентрируясь в районе Кижских шхер, затем пунктиром проходят вдоль побережья полуострова и расчленяют его внутреннюю территорию на соизмеримые части. Архитектурная организация объемно-пространственной среды Заонежья даже в современном состоянии с учетом многочисленных утрат удивительно совершенна и не имеет в мире равноценных аналогий.

Словом Заонежье — удивительный феномен деревянного зодчества, точнее феномен народной (крестьянской) культуры в целом, любая сфера которой там достигла наивысшего развития.

В чем секрет этого феномена? Обычно говорят о счастливом стечении обстоятельств — об отсутствии крепостного права, о перипетиях истории, смещавших импульсы экономического развития с запада (во время господства Великого Новгорода) на восток (в Московский период) и обратно (после основания Петербурга), что создавало в Заонежье попеременно условия для активизации архитектурно-строительной и, шире, культурной деятельности и стабилизации сложившихся традиций. При этом бездорожная тайга долго служила не только кладовой дешевого строительного материала, но и щитом, который в средние века предохранял край от татаро-монгольского нашествия и кабалы крепост-

ного права, в новое время притормозил развитие капитализма, а затем несколько смягчил разгул сплошной коллективизации 1930-х гг.

Все это так и одновременно не так, поскольку в той или иной степени присуще всему Российскому Северу и, следовательно, не может до конца объяснить «Заонежский феномен». Правда, уже в годы коллективизации наметилось существенное отличие Заонежья от других регионов страны — несмотря на огульное раскулачивание, обрушившееся на заонежан — справных и зажиточных хозяев, заонежская деревня выдержала испытание, сохранив свой праздничный наряд — лучшее подтверждение необычной жизнестойкости укоренившихся в народном сознании культурных традиций. Следовательно и в этом отношении Заонежье выгодно отличается от сопредельных территорий. Только пресс укрупнительства 1960-1970 гг., вызвавший ликвидацию неперспективных деревень, подобно смерчу пронесся по заповедному полуострову.

Помимо особого традиционализма, еще одной особенностью Заонежья является этническая неоднородность населения: по данным 1873 г. в крае помимо русских и уже упомянутой «обрусевшей чуди» проживали карелы и «обрусевшие корелы» /21, с. 29/, которые скорее всего мигрировали сюда в XVII в. из захваченного Швецией Корельского уезда (Западного Приладожья). И хотя такое предположение документально не подтверждено (в писцовых и переписных книгах XVII в. национальность местных жителей не фиксировалась), косвенные доказательства, на мой взгляд, вполне убедительны. Одно из них — загадочный эпизод в истории Вегорукского куста деревень — старейшего поселения в Заонежье. В промежутке времени от 1620 до конца 1670-х гг. дворность Вегоруксы увеличилась сначала вдвое, а затем втрое по отношению к уровню 1580-х гг. /18, с. 19, с. 17/. Поскольку такой скачкообразный рост произошел на фоне общего опустошения Заонежья в связи с рядом неурожайных лет второй половины 1630-х гг., ему можно дать только одно объяснение — приток населения произошел за счет карел-переселенцев, массовый «исход» которых из Приладожья приурочен к концу 1650-х гг. В пользу такого предположения свидетельствуют данные переписи 1870-х гг., зафиксировавшие в Вегоруксах преобладающее (86%), а во всех близлежащих деревнях стопроцентно карельское население /21, с. 2/. К тому же некоторые из таких деревень, как например Пегрема, впервые упоминаются в писцовом делопроизводстве не ранее конца XVII в.

Другим крупным карельским ареалом в Заонежье в последней трети XIX в. являлся Кузарандский погост, где в 12 поселениях жили «обрусевшие корелы» /21, с. 29/.

Беским аргументом в пользу изложенной гипотезы являются также данные историко-архитектурных исследований, зафиксировавшие в Вегоруксах, которые в настоящее время считаются чисто русскими селом, и в других деревнях с карельским в прошлом населением, преобладание признаков, характерных для построек карел как на основной территории их расселения, так и в Верхнем Поволжье. К таким признакам в первую очередь относятся преобладание жилых домов с асимметричным продольным перерубом и «финского» способа ориентации устья печей в избах, не к лицевой, как принято в русских районах Карелии, а к боковой стене.*

* Популярность у карел домов с асимметричным продольным перерубом, отделяющим трехоконную по лицевому фасаду избу от двухоконной горницы, связана с патриархальностью их бытового уклада, исключавшей возможность раздела семьи и, соответственно, деления дома с превращением горницы во вторую избу, что легче было бы осуществить при характерном для русского населения Карелии симметричном перерубе.

Ориентация печного устья к боковой стене избы, иногда называемая этнографами «финским» приемом, генетически связана с ранним этапом развития карельского жилища /9, с. 26, 29-30/.

Может возникнуть вопрос о несоответствии высоких эстетических категорий, упоминавшихся выше в связи с Преображенской церковью в Кижях и «Заонежским феноменом» в целом, и «приземленными» этнографическими характеристиками специфики этого феномена. Но дело в том, что характеристики эти — внешние, легко фиксируемые признаки этнокультурного процесса, несмотря на кажущуюся прозаичность, достаточно красноречивы. Свидетельство тому — статистика, подтверждающая распространение в Заонежье «карельских» строительных приемов в прямой зависимости от количества карельских поселений. Так, на западе полуострова, где в 1873 году насчитывалось шесть карельских деревень, дома с асимметричными перерубами составляли 54% от общего количества домов, а боковая ориентация печей — 86%; на севере и северо-востоке края (12 карельских поселений) эти показатели составляли соответственно 70 и 90%, в то время как на юге и юго-востоке (с двумя карельскими поселениями) оба показателя составляли по 28%, а в центре Заонежья (где карельских поселений вообще не было) — 26% и 10% /14, с. 34/. При этом необходимо учесть, что карельские поселения составляли в то время всего 8,81% от общего числа Заонежских поселений и, следовательно, «карельские выходцы» из Приладожья, способные оказать столь сильное воздействие на строительную деятельность своих многочисленных русских соседей, должны были обладать значительной созидательной энергией. Видимо, эта энергия особенно ярко проявилась в XVII веке, когда коренное население полуострова было измотано голодом неурожайных лет. В дальнейшем неоднородность населения вынуждала разнотничные группы в целях самовыражения и самоутверждения при общении с другими группами постоянно опираться на национальные традиции, не позволяя им преждевременно «одряхлеть». Отсюда две специфические особенности Заонежья — традиционализм культуры и этническая неоднородность населения оказались взаимосвязаны.

Вот почему культура заповедного полуострова скорее всего не просто сохранила (законсервировала) наследие Великого Новгорода, но также впитала в себя культурные ценности боритенов (возможно, сенногубской «чуди») и окончательно сформировалась в условиях взаимообогащающих контактов с карелами. Такая синтетическая культура, думается, и стала питательной средой для сооружений Кижского погоста, включая его главный храм — церковь Преображения, которая не просто повторила традиционную форму храма-предшественника, а подняла ее на новый качественный уровень. Видимо, подобная ситуация сложилась и на Вытегорском погосте Южного Обонежья на родине Покровской церкви, и в Западном Прионежье, где на стыках карельского и вепсского, с одной стороны, и русского этнического ареала, с другой стороны, формировались беспрецедентные шатровые храмы с двумя восьмериками на четверике и среди них лучший, на мой взгляд, шатровый храм России — церковь Успения в Кондопоге /10, с. 21-23/.

Настоящее сообщение носит предварительный характер и подлежит уточнению в ходе последующих исследований с помощью комплексной объективизированной методики, которая в последнее время уже позволила внести коррективы в устоявшиеся представления о ряде хорошо известных памятников деревянного зодчества /3, с. 81-94; 8, с. 132-138; 23, с. 124-131/.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. — Архангельск, 1908.

2. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. — М., 1981.

3. Вахрамеев Е. В. Новые исследования Варваринской церкви в д. Яндомозеро Карельской АССР // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1988.

4. Габеев Р. М. Карельское деревянное зодчество. — М., 1941.

5. Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. I. — М., 1909.

6. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. — М., 1942.

7. Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X — XIII вв. — Л., 1973.

8. Кутькова Г. А. Новые материалы по исследованию и реконструкции Никольской церкви в селе Вегоруксы // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1991.

9. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. — Л., 1972.

10. Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследие № 31. — М., 1983.

11. Орфинский В. П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак. — Советская этнография, 1989, № 2.

12. Орфинский В. П. Деревянное зодчество, удорских коми // Архитектурное наследие № 37. — М., 1990.

13. Орфинский В. П. К вопросу о комплексном исследовании деревянного зодчества Российского Севера: опыт кафедры архитектуры Петрозаводского государственного университета // Архитектура мира: материалы конференции «Проблемы истории архитектуры». — М., 1992.

14. Орфинский В. П., Вахрамеева Т. И. Территориальная локализация некоторых особенностей крестьянских домов западной части Карелии и Заонежья. (По материалам комплексной историко-архитектурной экспедиции Министерства культуры КАССР) // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тезисы докладов. — Петрозаводск, 1981.

15. Орфинский В. П., Хейккинен К. К вопросу о формировании этнических символов // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1989.

16. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.-Л., 1965.

17. Писцовая книга 1582 г. — ЦГАДА, Ф. 1209, кн. 965.

18. Писцовая книга 1628-1631 г. — ЦГАДА, Ф. 1209, кн. 308.

19. Писцовая книга...

20. Саариниemi П. Село русских поморов в Северной Норвегии. — Архитектура и строительство России, 1991, № 8.

21. Список населенных мест Российской империи. XXVII. Олонецкая губерния. (По сведениям 1873 г.) — СПб., 1879.

22. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. — М.-Л., 1965.

23. Яскеляйнен А. Т. К вопросу о датировке и эволюции часовни Петра и Павла на Волкострове // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1991.

24. Bråtrein Dahl H. Russefisket i Finnmark. Ottar nr. 94-95. — Troms, 1977.

25. Bråtrein Dahl H. «Varangerhuset». En forelopig presentasjon av en nordnorsk hustype med konsentrerte gardsfunksjoner // Norveg TIDSSKRIFT FOR FOLKELIVSGRANSKING JOURNAL OF NORWEGIAN ETNOLOGY. 23 — Oslo-Bergen-Tromsø, 1980.

26. Hämynen T. Venääläiset teollisuudenharjoittajat. Salmin Kihlakunnassa autonomian ajalla. Teoksessa Kurkinen (toim) Venääläiset Suomessa 1809-1917. CHS. Hist. Ark. 83. Helsinki, 1984.

27. Ytreberg N. A. Russehandelen i Troms-ens Brekktang for frihandelen av 1789, I: Historisk tidsskrift, Bd. 32. — Oslo, 1940.